

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов

Ирония судьбы, или С легким паром

*Часть сборника
Старики-разбойники (сборник)*

Эмиль Брагинский

Ирония судьбы, или С легким паром

«ФТМ»

Брагинский Э. В.

Ирония судьбы, или С легким паром / Э. В. Брагинский — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-07174-2

«... Иной раз отправной точкой для воображения может послужить какой-то анекдотический случай, происшедший в жизни. Так, например, возникла пьеса «С легким паром!». Нам рассказали историю об одном человеке (назовем его Н.), который после бани забежал к приятелям. А там шумела вечеринка – справляли не то день рождения, не то годовщину свадьбы. Помытый, чистенький Н. усердно начал веселиться и вскоре, как говорится, «ушел в отключку». В компании находился шутник Б. Он подговорил разгулявшихся друзей отвезти на вокзал пришедшего из бани Н., купить билет на поезд, погрузить спящего в вагон и отправить в Ленинград. Так они и поступили. Во время всей этой операции Н. не раскрыл глаз. Несчастный, ничего не понимающий Н. проснулся в общем вагоне на самой верхней полке поезда, прибывшего в город на Неве, вышел на привокзальную площадь и обнаружил, что, кроме портфеля с веником и пятнадцати копеек, при нем ничего нет. Мы с Эмилем стали фантазировать, что же могло произойти с этим недотепой в чужом городе, где у него нет знакомых, а кошелек пуст. ...»

ISBN 978-5-457-07174-2

© Брагинский Э. В.

© ФТМ

Содержание

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов Ирония судьбы, или С легким паром

Трудно понять, почему люди радуются приходу Нового года, вместо того чтобы плакать.

Если вдуматься, новогодний праздник – печальное событие в нашей скоротечной жизни. Ведь все мы еще на один шаг приближаемся к роковой черте. А сама процедура встречи Нового года ускоряет процесс приближения. Вместо того чтобы спать, сохраняя здоровье, люди всю ночь нарушают режим и безобразничают.

В честь сомнительного праздника происходит массовое уничтожение зеленого друга и массовое употребление зеленого змия.

Наступление Нового года всегда окутано таинственностью и ожиданием счастья. Именно под Новый год могут случаться совершенно немыслимые события, которые никак не могут случиться в обычную, рядовую ночь.

Наша маловероятная и тем не менее достоверная история началась тридцать первого декабря, часов за десять до смены года.

В новехоньком микрорайоне, на окраине Москвы, в домах, похожих друг на друга, как граненые стаканы, одним словом, в одинаковых, белых, крупно– или мелкопанельных домах велись лихорадочные приготовления к встрече Нового года. Во всех квартирах пекли пироги, варили студень, жарили индеек (а где не достали индеек, жарили кого-нибудь другого), заправляли майонезом салаты, выставляли на балконы водку и шампанское и, разумеется, украшали елки – натуральные или искусственные – разноцветными, яркими игрушками.

В доме № 25 по Третьей улице Строителей отмечался сегодня двойной праздник – и Новый год, и новоселье. А раз новоселье, значит, жильцы совсем недавно переехали в этот дом. Кое-что побилось, сломалось, все лежало не там, где нужно, все валялось друг на друге, мебель была расставлена впопыхах, не все люстры повешены, занавески в одних квартирах уже висели на окнах, а в других еще лежали в чемоданах. Новый дом, новая квартира, новая жизнь, новое счастье.

И, наверное, поэтому хирург Евгений Лукашин – внешность заурядная, зарплата заурядная (стоит ли много платить человеку, который режет других людей?), возраст заурядный (около сорока), – одуревший от переезда Евгений Лукашин находился в своей новой квартире № 12 в опасной близости от красивой молодой женщины по имени Галя. Симпатичная мама Лукашина – Марина Дмитриевна – благоразумно пряталась на кухне.

– Женя, – говорила Галя с явной хитрецей, – у меня к тебе предложение, совершенно неожиданное.

Лукашин был искренне заинтригован:

– Галя, не пугай меня!

– Давай вместе встречать Новый год!

Однако сообразительность не являлась достоинством Лукашина.

– Но мы и так встречаем вместе!

– Ты меня не понял. Давай встречать совсем вместе и не пойдем к Катаньянам! – Гале очень хотелось перейти из разряда возлюбленных в разряд невест.

Раздался звонок в дверь. Мама, которая до этого прислушивалась к разговору – в современной квартире была современная звукопроводимость, – недовольно поднялась с места и пошла отворять.

– С наступающим, Марина Дмитриевна! – весело заорал благополучный, мордатый Павел Судаков, школьный друг Евгения Лукашина. Павел явно намеревался войти, но Марина Дмитриевна решительно преградила ему дорогу:

– Тише, что ты кричишь?!

– А что случилось?

– Кто там пришел? – донесся из комнаты голос Лукашина.

– Соседка зашла за луковицей! – отозвалась мать, а Павел оторопел и, невольно включаясь в игру, перешел на шепот:

– Что у вас происходит?

– Павлик, зайди, пожалуйста, завтра! – попросила Марина Дмитриевна.

– Завтра не смогу. Вечером я улетаю в Ленинград.

– Счастливого пути! – И Марина Дмитриевна захлопнула дверь перед самым носом Павла.

Нахальный Павел тотчас же позвонил снова.

На этот раз Марина Дмитриевна сначала накинула на дверь цепочку и только потом приоткрыла.

– Ты что хулиганишь? – озорно спросила Марина Дмитриевна.

Павел растерянно смотрел на нее сквозь дверную щель.

– Мама, кто там опять? – послышался голос Лукашина.

– Телеграмма от тети Веры! – и глазом не моргнув, сочинила родная мать.

– А вы, Марина Дмитриевна, с детства учили нас говорить только правду! – укоризненно сказал Павел.

– Бывают обстоятельства, когда неплохо соврать! – доверительно объяснила Марина Дмитриевна.

– Но Саша и Миша ждут нас в бане! А прямо из бани я еду на аэродром!

– Сегодня повеселитесь без Жени! Кстати, зачем ты едешь в Ленинград?

– Ира застряла там в командировке. Требуется, чтобы я прилетел встречать с ней Новый год. – Павел еще больше понизил голос. – Я никому не скажу! Все-таки... что происходит?

– Пока это тайна... Узнаешь... в свое время. – Видно было, что дразнить Павла доставляло Марине Дмитриевне удовольствие.

– У Жени от меня нет тайн!

– Иди в баню! – Марина Дмитриевна защелкнула дверь и вернулась в кухню, на пункт подслушивания.

Тем временем Лукашин все еще не понимал хитрого Галиного плана:

– Но мы же договорились встречать Новый год с Катаньянами. Подводить некрасиво. Ты уже сделала салат из крабов. Кстати, где ты достала крабы?

– Давали у нас в буфете!

– Я так люблю крабы!

– Тогда тем более съедим их сами! – намекнула Галя.

– А где мы их станем есть? – простодушно спросил Женья.

– Какой ты непонятливый! – нежно сказала Галя. – Мы будем встречать здесь, у тебя.

– А кого еще позовем? – спросил тупой Лукашин.

– В том-то и весь фокус, что никого! – Галя была терпелива.

– А мама? Она будет встречать с нами?

– Мама уйдет. Она все приготовит, накроет на стол, конечно, я ей помогу, а потом уйдет к приятельнице. У тебя мировая мама!

А мама, которая слышала, как Галя распоряжается ее судьбой, только вздохнула.

– Ты умница, – воодушевился Лукашин. Он только сейчас осознал все выгоды, которые принесет ему реализация Галиного плана. – Почему это предложение не пришло в голову мне?

– Кто-то из двоих должен быть сообразительным!

– Ты знаешь... мне эта идея определенно нравится! Я выпью, я расхрабрюсь, обстановка будет располагать, и я скажу тебе то, что давно собираюсь сказать!

– А что именно? – с надеждой спросила Галя.

– Подожди до Нового года! – Лукашин явно не мог решиться на объяснение, что-то ему мешало.

– Боюсь, у тебя никогда не хватит смелости! – подзадоривала Галя.

– Трусость старого холостяка. Однажды я уже делал предложение женщине. К моему великому изумлению, она согласилась. Но когда я представил себе, что она поселится в этой комнате и будет всю жизнь мелькать перед глазами, туда-сюда, я дрогнул и сбежал в Ленинград.

– А от меня ты тоже убежишь? – Галя сняла со стены гитару.

– Нет, от тебя не убежишь! – В голосе Лукашина прозвучала нотка обреченности. – Все уже решено окончательно и бесповоротно. Я так долго держался и наконец рухнул.

Галя победно улыбнулась, глаза у нее блеснули.

– Женя, а когда люди поют?

– Поют?... На демонстрации поют...

– А еще?

– В опере...

– Нет, нет!

– Я не знаю... когда выпьют, поют...

– Балда! – нежно сказала Галя. – Не знаешь, когда поют...

– Когда нет ни слуха, ни голоса!

– Люди поют, когда счастливы! – подсказала Галя и протянула Лукашину гитару.

Сообразив, что он на самом деле счастлив, Лукашин тепло взглянул на Галю, взял гитару и встал у окна. За окном виднелись снежные поля Подмосковья, которые еще не успели застроить. Лукашин начал напевать. У него оказался негромкий, как говорят, домашний голос, немного хриплый, но приятный. Теперь таких доморощенных акынов у нас пруд пруди.

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, – никого.
И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной...
Но неожиданно по портьеру
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют...

- Это чьи слова? – спросила Галя, прижимаясь к Лукашину.
- Пастернака. – Лукашин отложил гитару в сторону и... поцеловал девушку.

После долгого поцелуя Галя вырвалась из объятий и выбежала в переднюю. Лукашин помчался следом.

– Женечка, мне пора! – Галя вела беспроигрышную игру. – У меня еще столько дел сегодня.

Лукашин нервно потоптался на месте, потом снял с вешалки и подал Гале белую шубку, а потом... капитулировал. Он вынул из кармана брелок, на котором болтался ключ. По-видимому, это был ключ не только от его квартиры, но и от его сердца.

– Вот, возьми ключ и приходи к одиннадцати часам встречать Новый год! Я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой!

Галя взяла ключ и, скрывая торжество, лицемерно заметила:

– Но я ведь буду мелькать у тебя перед глазами?

Лукашин чистосердечно признался:

– Я так этого хочу!

– Салат принести?

– Но я не понял главного: ты согласна или нет? – Очевидно, Лукашин был не самым крупным знатоком женской психологии.

– Но я ведь взяла ключ! – И, быстро поцеловав Лукашина, Галя исчезла за дверью.

– А как же с Катаньянами? – крикнул вдогонку счастливый зануда.

С лестничной площадки донесся веселый голос:

– Обойдутся!

Несколько ошарашенный случившимся, Лукашин направился в кухню, где хозяйничала Марина Дмитриевна.

– Мама, кажется, я женюсь...

– Мне тоже это кажется, – согласилась мать.

– Ну и как тебе Галя, нравится?

– Ты ведь на ней женишься, а не я! – ушла от ответа Марина Дмитриевна.

– Но ты же моя мама! – парировал Лукашин.

– Важно, чтобы ты не забыл об этом после женитьбы!

– Значит, Галя тебе не нравится... – огорчился сын.

– Не могу сказать, что я от нее в восторге, но в общем она неглупая, воспитанная... И потом... если ты сейчас не женишься, ты уже не женишься никогда...

– Мне еще только тридцать шесть!

– Это бестактно с твоей стороны напоминать мне о моем возрасте, – улыбнулась мама, – но я не обижусь, я же мировая мама! Я все приготовлю и уйду к приятельнице!

– И что она во мне нашла? – рассуждал вслух Лукашин. – Я много старше ее, а она ведь красавица...

– Я тоже удивляюсь, что она выбрала тебя, когда ты такой болван!

– Почему я болван? – притворно обиделся Лукашин.

– Зачем ты рассказывал ей про Ленинград? Когда делают предложение одной женщине, не вспоминают про другую!..

– Теперь понятно. Теперь я понял, – веселился Лукашин, – как делают предложение. А это Павел приходил?

– Павел. Он уезжает в Ленинград. Но я его выставила, чтобы он тебе не помешал.

Лукашин взглянул на часы:

– Они меня заждались. Может, мне тоже пойти в баню?

– Не вижу ничего плохого, если ты Новый год встретишь чистым! – сказала Марина Дмитриевна.

Уходя, Лукашин заговорщически подмигнул матери:

– Только ты Гале про баню не говори. У нас есть ванная, и Галя все это может неверно понять.

Мама вздохнула:

– Боюсь, что ты со своим характером будешь у жены под каблуком.

Лукашин уже отыскал портфель, из которого высовывался березовый веник.

– Мама, я разделю общую мужскую участь!..

...Раньше настоящие мужчины ходили в манеж гарцевать на выхолненных лошадях, отправлялись в тир стрелять в бубнового туза, в фехтовальные залы – сражаться на шпагах, в Английский клуб – сражаться за карточным столом, а в крайнем случае шли в балет. Сегодня настоящие мужчины ходят в баню. Тот, кто думает, что баня существует исключительно для мытья, глубоко заблуждается. В баню ходят главным образом для того, чтобы пообщаться друг с другом. Где еще можно спокойно поговорить? В гостях вечно перебивают другие приглашенные, да и рот все время занят едой и выпивкой. В общественном транспорте толкаются, на стадионах шумно. Лучшего места для душевной беседы, чем баня, не найти! О визите в баню сговариваются заранее, к банному мероприятию тщательно готовятся, освобождая для него полный день. Поход в баню – святое дело. Его нельзя комкать тем, что помоешься и уйдешь чистеньким. Подлинные аристократы духа так не поступают. Кто после парилки не ловил кайф в предбаннике, тот еще не испытал блаженства. В предбаннике современные голые мужчины, завернутые в белые простыни, наконец-то становятся похожими на римских патрициев. Именно предбанник и есть тот самый клуб, где, никуда не торопясь, позабыв каждодневную гонку, можно излить душу хорошему человеку.

Было около шести часов вечера, когда, отменно попарившись, четверо друзей – Лукашин, Павел, Михаил и Александр, – потягивая пиво, вели сокровенный разговор.

Павел глубокомысленно рассуждал:

– Я понимаю, ванная в каждой квартире – это правильно, это удобно, это цивилизация. Но процесс мытья, который в бане звучит как торжественный обряд, в ванной – просто смывание грязи. И хорошие поздравительные слова – с легким паром! – они же к ванной неприменимы: какой может быть в ванной пар?

– Ты прав, баня очищает, – согласился Александр.

– Как здесь ни приятно, мне пора... – Лукашин встал.

– Все-таки ты нехороший человек, мы ведь ждем! – с упреком заметил Михаил.

В компании всегда находится такой вот заводила.

– Чего ждете? – не понял Лукашин.

– Хочешь уйти сухим? – сощурился Михаил. – Не хочешь отметить собственную женитьбу?

– Где, в бане? – усмехнулся Лукашин.

– Почему бы и нет? – настаивал Михаил.

– Женя прав! – поддержал Лукашина Александр. – Здесь ведь не отпускают.

Теперь усмехнулся Михаил и... расстегнул портфель.

– Если бы не я, вы бы все пропали. Вот, жена просила купи для гостей! – И он достал из портфеля бутылку «Экстры».

Лукашин поморщился. Но обидеть друзей?.. Как часто мы не хотим обидеть друзей!..

- Но только по одной! – поспешно вставил Павел. – Мне на аэродром.
- Люди, не беспокойтесь! – Михаил уже разливал по кружкам вредную бесцветную жидкость. – Всем надо быть в форме, всем Новый год встречать!
- Ребята, приходите завтра ко мне, только обязательно, а то встречаемся редко. Я вас с женой познакомлю... – пригласил Лукашин.
- Я не могу, я ведь буду в Ленинграде... – напомнил Павел.
- Мне интересно, что ты в конце концов выбрал... – раздавая кружки, сказал Александр.
- Не что, а кого! – Лукашин взял кружку. – Все-таки это ужасно! Водку после пива. Я еще сегодня так устал. У меня в поликлинике было столько пациентов...
- Михаил снова порывлся в портфеле.
- Вот, шоколадка, какая ни есть, но все-таки закуска.
- Только давайте буквально по глотку! – взмолился Лукашин.
- Павел, скажи тост! Ты у нас самый красноречивый, – предложил Александр.
- Павел действительно не лез за словом в карман:
- А ты самый недалекий!
- Павел поднялся, все тоже встали.
- За нашего застенчивого друга Женю Лукашина, который наконец преодолел этот недостаток и нашел себе жену – последним из нашей компании. Будь счастлив, Евгений!
- Лукашин засмутился:
- Ну что же... за это... наверно... надо...
- Выпили, и Александр спросил:
- Как ее зовут?
- У нее прекрасное имя – Галя! – гордо сообщил Лукашин.
- И главное, редкое! – добавил Павел.
- Положение безвыходное. За Галю тоже надо выпить! – сокрушенно вздохнул Михаил и достал из портфеля следующую бутылку.
- Мне больше нельзя! – заартачился Лукашин.
- Люди, он не хочет выпить за свою невесту! – возмутился Александр.
- Галя, будь счастлива! – поднял кружку Павел.
- Вы мерзавцы! – жалобно сказал Лукашин. – До приема в поликлинике у меня еще было ночное дежурство!
- Затем он, конечно, выпил вместе со всеми.
- Расскажи, как ты с ней познакомился? – спросил Лукашина Михаил.
- Она пришла в поликлинику ко мне на прием.
- Она что... больная? – Александр слыл остряком.
- Лукашин обиделся:
- У нее был вывих.
- Ясно! – кивнул Александр. – Именно поэтому она выходит за тебя...
- Выпьем за то, чтобы вы оба были всегда здоровы! – Это, конечно же, был Михаил.
- Если дальше пойдет в таком темпе, я не попаду на аэродром, – перепугался Павел.
- Положись на меня, я никогда не пьянею... Дай билет! – Михаил отобрал у Павла билет и переложил к себе в карман.
- Я не буду больше пить. Она подумает про меня, что я алкоголик, – жалобно заныл Лукашин.
- Это неслыханно! – воззвал к народу Александр. – Доктор отказывается пить за здоровье!
- Дернул меня черт пойти с вами в баню! – беря кружку, в сердцах сказал Лукашин.
- Выпили.

– Теперь расскажи, как ты с ней познакомился? – не отступал Михаил.
– С кем? – переспросил Лукашин. От усталости он очень быстро захмелел.
– С Галей. Или у тебя есть еще кто-нибудь?
– У меня никого нет. Я холостой! – задиристо ответил жених.
– Выпьем за холостую жизнь! – предложил Павел.
– Ура! – заорал Лукашин.
– Ему хорошо! А вы представляете, как мне попадет от жены, если я в таком виде заявлюсь домой встречать Новый год, – посетовал Александр. Но ему никто не посочувствовал.
Лукашин, который несколько минут назад отказывался пить, уже вошел в азарт. Давно известно, в таком деле, как выпивка, главное – начать.

– Люди! У меня возник новый тост!

Для пущей убедительности Лукашин взобрался на медицинские весы, используя их как трибуну.

Теперь уже Михаил призвал к чувству меры:

– Тебе больше нельзя! Ты сегодня женишься!

– Я про это не забыл! – заявил Лукашин.

– Если ты забудешь, я напомню! – пообещал Михаил. – Я никогда не пьянею!

– За нашу дружбу! – провозгласил Лукашин.

Оригинальный тост растрогал Александра:

– Красиво говоришь!

Все четверо снова выпили.

– Ты прирожденный оратор! – сказал Лукашину Павел и тоже полез на весы. – Подвинься... Давай взвесимся на брудершафт!

– Давай! – поддержал Лукашин. – Сколько мы вместе потянем?

– Ребята, ребята! – шумел вконец опьяневший Павел. – Я придумал тост, лирический!

– Давай лирический! – поддержал Лукашин.

Но Михаил строго сказал:

– Все! Хватит пить!

– Пусть Павел скажет лирический... – начал было Лукашин, но Михаил его перебил:

– Нет, все, довольно! Нам пора на аэродром!

– А зачем? – искренне изумился Павел.

– Кто-то из нас летит в Ленинград! – объяснил Михаил.

– Кто? – спросил Павел.

– Поехали! – предложил Александр. – Там разберемся!

– Не поехали, а полетели.

– Пристегнулись простынями! – шумел Павел. – Отойти от винта!..

– Внимание! Внимание! Объявляется посадка в самолет Ту-134, следующий рейсом триста девяносто два по маршруту Москва – Ленинград. Пассажиров просят пройти на посадку...

Голос диктора разносился по всему аэродрому, включая буфет. А там, не выпуская из рук портфелей с вениками, мирно спали Лукашин и Павел. Александр мужественно боролся с дремотой, и лишь Михаил сохранял видимую бодрость.

Когда диктор еще раз повторил объявление, Александр вскочил с места:

– По-моему, это наш самолет!

– Я с тобой согласен! – Михаил сохранял спокойствие.

– А ты не помнишь, кто из нас улетает?

– Не помню, – сказал Михаил. – Но ты можешь на меня положиться. Сейчас мы пойдем простым логическим ходом.

- Пошли вместе! – примазался Александр.
- Ты летишь в Ленинград? – спросил Михаил.
- Нет, что ты! – испугался Александр. – А ты?
- И я нет! Применяем метод исключения. Значит, остаются эти двое. – Михаил показал на спящих.
- Их спрашивать бесполезно! – махнул рукой Александр.
- Ты наблюдателен. Спрашивать надо меня. Я единственный из вас не потерял природной смекалки. – Михаил всегда был скромн.
- За это я тебя люблю! – признался Александр.
- Сейчас не об этом, – застенчиво отмахнулся Михаил. – Павел может лететь в Ленинград?
- Может.
- А Жень?
- Тоже может. Давай кинем жребий! – Александр был в восторге от своей идеи. Зато Михаил отнесся к ней отрицательно:
- Мы не станем полагаться на случай! Кроме того, я напоминаю тебе, что надо торопиться, а то самолет улетит без нашего друга!
- Без какого? Ты же трезвый! Ты никогда не пьянеешь!
- Михаил гордо кивнул:
- Поэтому я тебе отвечаю. Сегодня в бане мы пили за Лукашина, потому что он женится!
- У тебя поразительная память! – восхитился Александр.
- Сейчас не об этом! Значит, Женя летит в Ленинград на собственную свадьбу! Он бы сам нам это рассказал, но его развезло от усталости.
- Подожди, – спохватился Александр, – а разве он не рассказывал, что невеста приходила к нему в поликлинику?
- Рассказывал! – Сбить Михаила с толку было не так-то просто. – Значит, она приезжала в Москву в командировку!
- Железная логика! – И вместе с Михаилом Александр подхватил Лукашина под руки и поволок к выходу на посадку.
- Куда вы меня ведете? – промычал спросонья Лукашин.
- К твоему счастью! – ответил Михаил. Он достал из кармана билет и протянул бортпроводнице. И, улыбувшись, шепнул Александру: – Все-таки хорошо, что мы его помыли!..
- В предновогодних небесных просторах спешил в Ленинград рейсом № 392 самолет Ту-134.
- В салоне воздушного корабля безмятежно спал Евгений Лукашин, прижимая к груди портфель с березовым веником.
- А через час сердобольный попутчик уже вводил Лукашина, который мешком висел на его руке, в зал ожидания Ленинградского аэровокзала.
- Не стоит говорить о том, что зал ожидания в Ленинграде ничем не отличался от зала ожидания в Москве: одинаковые разноцветные кресла, одинаковые киоски, одинаковые табло и одинаковые огромные окна, за которыми смутно белели самолеты. Брошенный попутчиком, Лукашин приоткрыл глаза, с надеждой поискал друзей, но их нигде не было видно.
- Скажите, пожалуйста, – обратился Лукашин к грузному лысоватому мужчине, который понуро забился в красное псевдокожаное кресло и, не моргая, тоскующим взглядом взирал на мир. – Который теперь час?
- До Нового года два часа пятьдесят минут! – трагически возвестил незнакомец.
- А где я? – спросил Лукашин.
- Там же, где и я!

– А где вы?

– На аэродроме! – грустно ответил мужчина. – По дороге в Красноярск нелетная погода, и в худшем случае я встречу Новый год в этом кресле!

– А в лучшем случае?

– Тоже в кресле, но только в воздухе. Вы встречали Новый год в воздухе?

– Нет! – отрезал Лукашин. – И не хочу! С наступающим вас! Мы проводили Павлика, и теперь я поехал домой. – Вдруг Лукашин сообразил, что уже много времени. – Боже мой! Галя скоро придет!

Диктор бодро объявил:

– К сведению пассажиров, отлетающих в Красноярск: в связи с неблагоприятными метеорологическими условиями...

Собеседник Лукашина простонал:

– Почему я не уехал поездом? Почему?..

...В былые времена, когда человек попадал в незнакомый город, он чувствовал себя одиноким и потерянным. Вокруг все было чужое: иные дома, иные улицы, иная жизнь.

Зато теперь совсем другое дело. Человек попадает в любой незнакомый город, но чувствует себя в нем как дома: такие же дома, такие же улицы, такая же жизнь. Здания давно уже не строят по индивидуальным проектам, а только по типовым.

Прежде в одном городе возводили Исаакиевский собор, в другом – Большой театр, а в третьем – Одесскую лестницу. Теперь во всех городах возводят типовой кинотеатр «Космос», в котором можно посмотреть типовой художественный фильм.

Названия улиц тоже не отличаются разнообразием. В каком городе нет Первой Загородной, Второй Пролетарской, Третьей Фабричной... Первая Парковая улица, Вторая Садовая, Третья улица Строителей... Красиво, не правда ли?..

Лукашин ввалился в такси и сказал водителю:

– Третья улица Строителей, дом двадцать пять, квартира двенадцать, четвертый этаж...

– Хоть на пятый! – ответил таксист, и машина рванула с места...

Одинаковые лестничные клетки окрашены в типовой приятный цвет, типовые квартиры обставлены стандартной мебелью, а в безликие двери врезаны типовые замки.

Типовое проникает в наши души. Встречаются типовые радости, типовые настроения, типовые разводы и даже типовые мысли!

С индивидуализмом у нас покончено и, слава Богу, навсегда!..

Мчалось такси по разукрашенному, праздничному Ленинграду, а на заднем сиденье сладко дремал Лукашин, и не подозревая о том, что его отделяет от дома приблизительно семьсот километров.

Такси подъехало к новостройке. Лампочка, спрятанная под козырьком, освещала родной адрес: «Третья улица Строителей, 25».

Лукашин вывалился из машины, с трудом преодолел ступеньки при входе в подъезд и облегченно вздохнул:

– Наконец-то я приехал!

Добравшись до двери под номером 12, Лукашин порылся в карманах, добыл ключ и успешно вставил его в скважину нижнего замка. Совсем нетрудно догадаться, что ключ подошел.

Слегка пошатываясь, Лукашин открыл дверь, оказался в передней и машинально начал раздеваться. Совсем нетрудно догадаться, что планировка ленинградской квартиры ничем не отличалась от планировки московской. И обои, конечно же, были такими же.

Объяснить это легче легкого. Жилые дома в Москве и жилые дома в Ленинграде сдавались в эксплуатацию одновременно. В это время выпускались обои именно этого цвета и артикула, а серия дверных замков с ключами – именно такой конфигурации. Все очень про-

сто. И главное, удобно для промышленности. В ленинградскую квартиру недавно въехали новоселы. И здесь вещи еще не нашли постоянного места и был тот славный беспорядок, который еще долго бывает после переезда.

Лукашин содрал с себя дубленку, сорвал с головы шапку и зашвырнул ее куда попало, бросил на пол пиджак (пиджак ведь тоже должен отдохнуть) и вступил в единоборство с брюками. Избавиться от них оказалось не так-то легко. Ослабленный алкоголем и авиацией, Лукашин вконец изнемог в неравной борьбе. Он все-таки выбрался из брюк и, едва живой, дополз до тахты, которая, как уже совершенно нетрудно догадаться, стояла точно в том же месте, что и у него дома. Лукашин взобрался на тахту и блаженно свернулся калачиком, натянув на себя мягкий гедеэровский плед. Через мгновение он спал.

Вскоре дверь в квартиру № 12 снова отворилась. Это пришла хозяйка, Надежда Васильевна. Пожалуй, Надю можно назвать красивой женщиной, но все-таки было видно, что ей уже перевалило за тридцать. Она сняла пальто, зажгла полный свет. Лукашина Надя не замечала. Она достала из сумки попку, это была электрическая бритва по имени «Агидель», и положила ее на буфет. Затем критически осмотрела накрытый новогодний стол. Потом подошла к шкафу, вынула из него новогоднее платье, кинула на тахту, платье упало на Лукашина. Только теперь Надя его заметила и, как положено женщине, вскрикнула.

Но Лукашин даже не пошевелился.

– Эй! – закричала Надя, медленно приходя в себя. – Эй, вставайте! Что вы здесь делаете? Эй, кто вы такой?.. Проснитесь, слышите, немедленно проснитесь!

Лукашин не отвечал.

– Вы живой или нет? – Преодолев страх, Надя попыталась растолкать Лукашина, но ее усилия оказались тщетными.

– Не... не надо меня трести... – пробормотал сквозь сон Лукашин.

Надя в растерянности заметалась по комнате. Яростно схватила подушку, бросила в Лукашина.

– Кошмар какой-то... – Не открывая глаз, Лукашин взял подушку и запустил ею в Надю.

– Ах так, ну ладно, берегитесь!

Надя выбежала в кухню и вернулась с чайником.

– Я вас в последний раз предупреждаю!

И по лицу Лукашина побежали струйки холодной воды.

Поначалу это показалось спящему приятным. Он блаженно заулыбался:

– Ой, как хорошо! Ой, поплыли!

Потом вода проникла за шиворот, и Лукашин сразу же приподнялся:

– Вы что, с ума сошли? Я... я вам не клумба!

На всякий случай Надя отскочила в сторону.

– Вы откуда взялись? – закричал Лукашин. – Выметайтесь отсюда! И без разговоров!

Надя оторопела:

– Это неслыханно! Что вы здесь делаете?

– Я... тут... мы спим! А кто вы такая? Что вам здесь нужно?

Надя поставила чайник на стол.

– Хватит дурака валять! Что вы здесь разлеглись?! Ну-ка, выкатывайтесь отсюда, живо!

– Ну, это уже нахальство! – возмутился Лукашин. – Мало того что вы ворвались ко мне в квартиру, вы ведете себя как бандитка!

– К вам в квартиру? – передразнила Надя.

– Да, представьте себе, – в тон ответил Лукашин, – я здесь живу!

– А где, по-вашему, живу я? – в изнеможении спросила Надя.

– Мне-то какое дело! – не слишком вежливо ответил Лукашин. – Пожалуйста, уйдите отсюда, и как можно скорее. Сейчас ко мне придет моя невеста, Галочка, и я не хочу, чтобы она застукала меня с женщиной.

– Объясните мне наконец, – вскричала Надя, – почему ваша невеста будет искать вас у меня?

– Мне не до шуток. У меня голова раскалывается. Который час?

– Скоро одиннадцать. Ко мне должны прийти, и ваше присутствие здесь не обязательно! – И Надя швырнула Лукашину его брюки.

– Но почему ваши гости явятся ко мне встречать Новый год? И как вы сюда забрались? Я позабыл захлопнуть дверь, да?

Тут Лукашину захотелось попить, он схватил чайник, из которого его только что поливали, и потянулся губами к никелированному носику. Но Надя с такой силой вырвала чайник из его рук, что горемыка свалился с тахты.

– Но почему вы безобразничаете? Я пить хочу!

– Послушайте, вы, – грозно сказала Надя. – Вы хоть что-нибудь соображаете?

– Все соображаю. Безусловно.

– А где вы находитесь, по-вашему?

– У себя дома. Третья улица Строителей, двадцать пять, квартира двенадцать!

– Нет, это я живу Третья улица Строителей, двадцать пять, квартира двенадцать! – язвительно сообщила Надя.

А Лукашин ответил столь же язвительно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.